

8. Spark M. The Public Image. Stories / Muriel Spark. – М. : Progress Publishers, 1976. – 290 p.
9. Vonnegut K. Palm Sunday. Welcome to the Monkey House / Kurt Vonnegut. – Random House UK, 1994. – 281 p.

Блинова И. А. Интертекстуальность в современной парадигме гуманитарного знания.

Статья посвящена исследованию категории интертекстуальности в современной гуманитарной парадигме. Проанализированы особенности функционирования ведущих средств ее воплощения на материале художественного прозаического дискурса. Доказано, что использование писателями реминисценций и аллюзий в исследуемых произведениях имеет специфическое проявление иронии и сатиры благодаря механизму реализации в них языковой игры.

Ключевые слова: интертекстуальность, реминисценция, аллюзия, языковая игра, художественный прозаический дискурс.

Blynova I. A. Intertextuality in the Modern Humanities paradigm.

The article deals with the investigation of the intertextuality category in the Modern Humanities paradigm. Reminiscence and allusion functioning as the leading means of the intertextuality implementation on the contemporary belles-lettres discourse material have been analyzed. The writers' reminiscences and allusions used in the studied works are proved to have a specific expression of irony and satire due to the mechanism of the language playing embodiment in them. Allusions in our examples are based on an image that has a qualitative (behavioural, external, ethical) or quantitative (correlation with a certain amount, size, quantity) characteristics. It is verbal means by which the author can express his ideas in a concise and summary form. According to our observations, a common type of linguistic phenomena intentional word-play by the authors at the pragmatic level is a hint, which is revealed in reminiscences. A pun as a kind of language play is based on a conscious violation of clarity postulate. The prospect of further investigation is in a detailed study of intertextuality creating techniques described above to examine the uniqueness and originality of the creative method of prose writers whose poetics is combined with comics.

Keywords: intertextuality, reminiscence, allusion, language play, belles-lettres discourse.

А. Г. Вильчинская
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

АВТОРСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ “ПОЭТ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ” В ПРОЗЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье рассматривается метафорическая экспликация авторского осмысления темы “поэт и этническая принадлежность” в прозе М. И. Цветаевой. На основе разработанной методики анализа метафорического континуума устанавливается связь между метафорами, входящими в круг указанной темы, и описываются языковые средства создания развернутых метафор.

Ключевые слова: метафора, метафорический континуум, поэт, этническая принадлежность.

Всестороннее изучение идиостилей уникальных языковых личностей, к числу которых относится М. И. Цветаева, представляет собой одну из актуальных проблем современной лингвистики. Центральное место в творчестве М. И. Цветаевой занимает образ поэта, освещение которого сквозь призму концепта нашло отражение в работах М. В. Ляпон, В. А. Масловой, О. Г. Ревзиной, Т. С. Кругловой, О. Ю. Шишкиной и др. В трудах указанных авторов образ поэта раскрывается через темы его взаимодействия с окружающим миром, соотношения божественного и человеческого начал, тему жизни и смерти и др. Тем не менее, ряд иных проблем остаются нераскрытыми, хотя в не меньшей мере характеризуют упомянутый образ.

Цель данной статьи – проанализировать метафорическое осмысление темы “поэт и этническая принадлежность” в прозе М. И. Цветаевой, что может прояснить динамику развития ее поэтического сознания, а также раскрыть новую грань метафорического континуума, функционирующего в эссе и эпистолярном наследии указанного автора.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: охарактеризовать языковые средства метафорической экспликации темы “поэт и этническая принадлежность”; рассмотреть взаимодействие указанной темы с другими оппозициями, включающими образ поэта, в метафорическом континууме.

Главным параметром определения этничности Н. В. Уфимцева, вслед за Н. А. Бердяевым и И. А. Ильиным называет уклад бессознательного [6]. В формулировке понятия “национальный характер” К. Касьянова указывала, что он включает в себя наряду с неосознаваемыми культурными архетипами наиболее повторяющиеся природные этнопсихологические черты индивидов [там же].

Приведем воспоминания М. Слонима о М. И. Цветаевой: “Несмотря на свое европейское образование, неизменные уверения в любви к Германии, родине Бетховена и Гете, и полное неприятие национальных, расовых и религиозных различий, она во всем – манерах, речи, душевном строе – была очень русской – и москвичкой” [3]. М. И. Цветаева редко признает какие-либо этнически идентифицирующие параметры: ... *единственное, что во мне есть русского, это – совесть* [8, с. 688].

В письме Ю. Иваску в 1934 г. М. И. Цветаева писала: *Вообще, не ошибитесь, во мне мало русского (NB! сгоряча ошибаются все), да я и кровно – слишком – смесь: дед с материнской стороны (Александр Данилович Мейн – Меуп) – из остзейских немцев, с сербской прикровью, бабушка (урожд<енная> Бернацкая) – чистая полька, со стороны матери у меня России вовсе нет, а со стороны отца – вся. Так и со мною вышло: то вовсе нет, то – вся. Я и духовно – полукровка* [10, с. 387]. Это мнение можно

назвать спорным, к размышлению над ним поэт неоднократно обращался в прозаических текстах: *Русская я только через стихию слова. Разве есть русские (французские, немецкие, еврейские и пр.) чувства? Есть чувства временные (национальные, классовые), вне-временные (божественные: человеческие) и до-временные (стихийные). Живу вторыми и третьими* [8, с. 184].

В указанном примере метафора *стихия слова* приобретает особое значение. С одной стороны, это языковая метафора, в которой переносное значение “стихий” – среда, некая область подобная элементам природы (воды, земли, огня, воздуха). Похожий образ возник в обращении к Р. М. Рильке в первом письме М. И. Цветаевой: “*Вы – воплощенная пятая стихия: сама поэзия*”. С другой стороны, можно считать, что данная метафора предвосхищает более известные, например, из эссе “Искусство при свете совести” (“Гибель поэта – отрешение от стихий”), а также из очерка “Мой Пушкин”: *...свободная стихия оказалась стихами, а не морем, стихами, то есть единственной стихией, с которой не прощаются – никогда* [9, с. 1146]. Просматривается связь со стихотворением А. С. Пушкина “К морю”, одним из самых любимых русских стихотворений М. И. Цветаевой [8, с. 290]. Необходимо уточнить, что письмо А. В. Бахраху, в котором мы встретили метафору *стихия слова*, было написано в 1923 г., за девять и четырнадцать лет до “Искусства при свете совести” (1932) и “Моего Пушкина” (1937) соответственно. Если в “Моем Пушкине” была использована сознательная аллюзия на строки А. С. Пушкина, то в анализируемом отрывке из письма связь между текстом-источником и метафорой была бессознательной, что, тем не менее, косвенно указывает на постоянство ассоциаций в сознании М. И. Цветаевой между словами *стихия* – *стихи*, берущих начало от прецедентного высказывания А. С. Пушкина (“Прощай, свободная стихия!”). Таким образом, возникает двухуровневая интертекстуальность: автор отсылает к собственному высказыванию, которое, в свою очередь, базируется на цитате другого поэта.

Автор описывает свою классификацию чувств, где наше внимание в первую очередь привлекают метафоры *вне-временные чувства* и *до-временные*. Прилагательные с префиксом *вне-* имеют значение “находящийся или происходящий за пределами того, что названо словом, которым в свою очередь мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное” [5, с. 303]. Прилагательные с префиксом *до-* имеют значение “предшествующий по времени тому, что названо словом, которым в свою очередь мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное” [там же]. Несмотря на узуальный характер образования прилагательных, данные слова являются окказионализмами, поскольку не существует ни темпоральных, ни пространственных границ времени. Согласно

представлениям М. И. Цветаевой, все, что способно иметь начало и конец, несущественно, в некоторой степени иллюзорно. Подобным чувствам автор противопоставляет те, которые свойственны всем людям во все времена (*божественные: человеческие*) – и лишь избранным (*стихийные*).

В записных книжках 1925 г. находим континуальное возвращение к указанной мысли: *Каждую народную песню, будь то русская, французская, немецкая, пр. – я неизменно чувствую моею* [8, с. 362].

Местоимение *моею*, сознательно выделенное автором, имеет в данном контексте двойное прочтение. В первую очередь, субъект действия мыслится как творец песни (создатель, исполнитель). В то же время – как слушатель, человек, способный понять, проникнуться песней. Духовная и эстетическая составляющая народных песен не просто выходит за грани тех или иных наций, но и сводит к минимуму значение других разделяющих факторов (языковой барьер, географические границы государств). Таким образом, автор указывает, с одной стороны, на призрачность коннотаций, связанных с каким-либо национальностями, с другой, отмечает, что если они и существуют, то поэт как сверхчеловек способен вместить в себе все эти отличительные черты.

Многие феномены русской культуры наделяются у М. И. Цветаевой другим значением. Например, как отмечает А. Вежбицкая, “русская “душа” – это не просто душа одного отдельного человека, но “душа”, которая возникает и которая живет в общении с другими людьми” [1, с. 497]. У М. И. Цветаевой подобные ассоциации не представлены – душа связана с болью: “...*что-то болит: не зуб, не голова, не живот, не – не – не –
– а – болит.*

Это и есть – душа” (подчеркнуто М. И. Цветаевой) [8, с. 548].

Следующий отрывок взят из письма к С. Н. Андрониковой-Гальперн, написанного в феврале 1928 г.: *Пишу русскую вещь, начатую еще в России. Хорошая вещь. Замечаю, что весь русский словарь во мне, что источник его – я, т. е. изнутри бьет* [10, с. 113].

Глагольная метафора *бьет* вызывает ассоциацию с фонтаном, гейзером, каким-либо водным источником. В упомянутой натурморфной метафоре эмоция радости от вдохновения, процесса творчества уподобляется воде. Указанная метафора является примером характерной для М. И. Цветаевой интеллектуальной амбивалентности не только в рамках проблемы поэта и национальности, но и в отношении вопроса о механизме творческого процесса. В метафорическом континууме, функционирующем в текстах М. И. Цветаевой, обширное место занимает тематический блок метафор, выражающих идею о том, что поэт является посредником между высшими силами (упомянутыми ранее стихиями) и людьми. Действие этих сил, как правило, направлено на поэта: *Меня вещи всегда выбирали по примете силы*

[9, с. 848]; *Не Вы это пишете, это (то) Вами пишет* [8, с. 15]; *Так прекрасно все спелось без меня* [8, с. 114]. Метафора “*весь русский словарь во мне, источник его – я, т. е. изнутри бьет*” апеллирует к иной точке зрения. Указанный фрагмент контрастирует с упомянутыми выше примерами, не отрицая, но, напротив, подчеркивая этническое начало в поэте, отражающееся и на характере произведения. Подобный поворот предсказуем, поскольку, каким бы самобытным ни был творческий почерк автора, даже на бессознательном уровне он будет использовать культурный и языковой опыт общества, к которому принадлежит. Отметим, что количество подобных примеров метафор весьма незначительно.

Трансформация метафорического континуума может приводить к соединению в нем нескольких тем. Так, проблема принадлежности поэта к той или иной этнической группе имеет точки соприкосновения с темой разделения всех людей на две глобальные группы – поэтов и не-поэтов: *Мне жаль Вас терять – не из жизни, я сама – вне, из третьего царства – не земли, не неба, – из моей тридевятой страны, откуда все стихи* (письмо Д. А. Шаховскому, 1926 г.) [10, с. 39].

Л. В. Зубова подробно рассматривала явление синкретизма в поэзии М. И. Цветаевой [4, с. 87]. Многие тенденции находят место и в прозе поэта. Нетрадиционное употребление в тексте письма предлога “вне” подпадает под категорию морфологического синкретизма (в частности, знаменательных и служебных частей речи). Указанный предлог претерпевает грамматический сдвиг в сторону наречия. Подчеркнутое отсутствие существительного (вне чего?) подразумевает, что на месте слова, в паре с которым предлог должен был образовать форму родительного падежа, могло оказаться название любого территориального пространства. Индивидуально-авторские номинации находят воплощение в тех случаях, когда у сложного чувства либо явления нет общепринятого названия. Здесь же речь идет о совокупности всех известных человечеству стран, измерений. Умышленно созданная лакуна как бы объединяет эти названия. Данная метафора является свидетельством того, как отсутствие элемента в синтаксической конструкции может быть более содержательным, чем наличие слова, не вполне удовлетворяющего позиции автора.

Тридевятое царство, тридесятое государство – крылатое фольклорное выражение, обозначающее очень далекую страну, землю [7, с. 124]. Метафора образуется за счет трансформации фразеологизма. “Тридевятое” царство заменяется “третьим”, причем определения дают указание на то, что это ни традиционное место обитания людей (земля), ни загробный мир, место обитания душ (небо). “Тридесятое государство” заменяется “тридевятой страной”. Замена элемента фразеологизма синонимом продиктована, возможно, нелюбовью М. И. Цветаевой к словам, прямо или косвенно

связанным с явлениями, входящими в состав определения “государства”. Даже измененный, фразеологизм вызывает ассоциацию с зачином большинства народных сказок, что, в свою очередь, влечет за собой ассоциации, связанные с волшебством. В то же время анализируемая метафора характеризует не только тот мир, о котором говорит автор, но и его самого, так как в дополнение возникает ассоциация с образным выражением “не от мира сего”, характеризующим человека, далекого от реальной, обыденной жизни [7, с. 39].

Таким образом, по мнению М. И. Цветаевой, поэты являются особой группой людей, в результате чего чувствуют себя лишними в любой стране, любом обществе. Они сталкиваются с непониманием и, как следствие, одиночеством. В качестве гармонизирующего элемента выступает дело всей жизни поэтов – их произведения: *... я не хочу разрываться, не допускаю, чтобы два человека одной породы – лирической (единственной, которую я чту и к которой имею честь, счастье и несчастье принадлежать – со всеми потрохами) – могли бы думать – нет, чувствовать по-разному применительно к одному и тому же, к явно одной и той же идее. Весь мир – Вы должны это знать, и Вы наверняка знаете, – разделен на два лагеря: поэты и все остальные, неважно, кто эти все: буржуа, коммерсанты, ученые, люди действия или даже писатели* [10, с. 553].

Для усиления экспрессивности высказывания автор обращается к приему дисфемизма: он использует выражение “со всеми потрохами” вместо другого нейтрального определения. Метафорическая дифференциация людей представлена вполне конкретным словом (поэты), а также местоимениями, выражающими пренебрежительную оценку, которая, по мнению Е. М. Вольф, О. П. Ермаковой, Ю. П. Князева и других ученых в некоторых местоимениях берет начало из значения неизвестности.

Подводя итог, можно утверждать, что отношение к теме этнической принадлежности проявляется у М. И. Цветаевой бессознательно: в метафорической экспликации используются символы и смысловые позиции, характерные для русской культуры, в то время как автор всячески пытался отрицать значимость принадлежности поэтов к какой бы то ни было нации. В качестве структурных элементов выступают все уровни морфологической системы, особой смысловой нагрузкой обладают, в частности, местоимения и частицы. Среди образных языковых средств, осложняющих метафоры, превалирует антонимия, вводящая образ поэта в отношения оппозиции с другими классами людей. Исследуемая тема не имеет четких границ, соединяясь с темами “поэт и время”, “поэт и человек”, представленными в метафорическом континууме. В нашей работе рассматриваются лишь единичные примеры подобного синтеза. Материал исследования предполагает в перспективе проанализировать данную проблему в

межтекстуальному метафорическому континууму, а також в метафорических континуумах текстів других авторів.

Л и т е р а т у р а :

1. *Вежбицкая А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицкая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 2. – С. 6–34.
2. *Вильчинская А. Г.* Типология метафорического континуума (на материале прозы М. И. Цветаевой) // Славянские языки : системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. VII Междунар. конф. : в 2 ч. / редкол. : Л. А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2016. – Ч. 2. – С. 3–6.
3. Воспоминания о Марине Цветаевой : сборник. – М. : Сов. писатель, 1992. – 592 с.
4. *Зубова Л. В.* Язык поэзии Марины Цветаевой (Фонетика, словообразование, фразеология) / Людмила Владимировна Зубова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. – 232 с.
5. Русская грамматика. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Гл. ред. Н. Ю. Шведова]. – М. : Наука, 1980. – 789 с.
6. *Уфимцева Н. В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание : формирование и функционирование : сб. науч. тр. / [Отв. ред. Н. В. Уфимцева]. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 135–171.
7. *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13000 фразеологических единиц ; 3-е изд., испр. / Александр Иванович Федоров. – М. : Астрель ; АСТ, 2008. – 878 с.
8. *Цветаева М. И.* Неизданное. Сводные тетради / Подготовка текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко / Марина Ивановна Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1997. – 640 с.
9. *Цветаева М. И.* Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе / Марина Ивановна Цветаева. – М. : Альфа-Книга, 2008. – 1214 с.
10. *Цветаева М. И.* Собрание сочинений : в 7 т. Т. 7 / Марина Ивановна Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1995. – 848 с.

R e f e r e n c e s :

1. *Vezhbitskaya A.* Russkiye kulturnye skripty i ikh otrazheniye v yazyke [Russian cultural scripts and their reflection in language] / A. Vezhbitskaya // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. – 2002. – № 2. – S. 6–34.
2. *Vilchinskaya A. G.* Tipologiya metaforicheskogo kontinuumu (na materiale prozy M. I. Tsvetaevoy) [Typology of metaphorical continuum (based on the prose of M. Tsvetaeva)] // Slavyanskiye yazyki : sistemno-opisatelnyy i sotsiokulturnyy aspekty issledovaniya : sb. nauch. tr. VII Mezhdunar. konf. : v 2 ch. / redkol. : L. A. Goduyko [i dr.] ; pod obshch. red. O. B. Perekhod. – Brest : BrGU, 2016. – Ch. 2. – S. 3–6.
3. *Vospominaniya o Marine Tsvetaevoy* [Memories of Marina Tsvetaeva] : sbornik. – M. : Sov. pisatel, 1992. – 592 s.

4. Zubova L. V. Yazyk poezii Mariny Tsvetaevoy (Fonetika, slovoobrazovaniye, frazeologiya) [Language of poetry of Marina Tsvetaeva (phonetics, word formation, phraseology)] / Lyudmila Vladimirovna Zubova. – SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1999. – 232 s.
5. Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya [Russian grammar. Vol. 1 : Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology] / [Gl. red. N. Yu. Shvedova]. – M. : Nauka, 1980. – 789 s.
6. Ufimtseva N. V. Etnicheskiy kharakter, obraz sebya i yazykovoye soznaniye russkikh [The ethnic character, self-image, and Russian language consciousness] // Yazykovoe soznanie : formirovaniye i funktsionirovaniye : sb. nauch. tr. / [Otv. red. N. V. Ufimtseva]. – M. : Yazyki russkoy kultury, 1998. – S. 135–171.
7. Fedorov A. I. Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka [Phrasebook of Russian literary language] : ok. 13000 frazeologicheskikh edinit ; 3-e izd., ispr. / Aleksandr Ivanovich Fyodorov. – M. : Astrel ; AST, 2008. – 878 s.
8. Tsvetaeva M. I. Neizdannoe. Svodnye tetradi [Unpublished. Combined notebook] / Podgotovka teksta, predisl. i primech. Ye. B. Korkinoy i I. D. Shevelenko / Marina Ivanovna Tsvetaeva. – M. : Ellis Lak, 1997. – 640 s.
9. Tsvetaeva M. I. Polnoe sobranie poezii, prozy, dramaturgii v odnom tome [The complete collection of poetry, prose and drama in one volume] / Marina Ivanovna Tsvetaeva. – M. : Alfa-Kniga, 2008. – 1214 s.
10. Tsvetaeva M. I. Sobranie sochineniy [Collected works] : v 7 t. T. 7 / Marina Ivanovna Tsvetaeva. – M. : Ellis Lak, 1995. – 848 s.

Вільчинська А. Г. Авторське осмислення теми “поет та етнічна приналежність” у прозі М. І. Цветаєвої.

У статті розглянуто метафоричну експлікацію авторського осмислення теми “поет і етнічна приналежність” у прозі М. І. Цветаєвої. На основі розробленої методики аналізу метафоричного континууму встановлено зв’язок між метафорами, що входять до кола вказаної теми, а також описано мовні засоби створення розгорнутих метафор.

Ключові слова: метафора, метафоричний континуум, поет, етнічна приналежність.

Vilchynskaya A. G. The author’s expression of theme “poet and ethnicity” in the prose of M. I. Tsvetaeva.

The article deals with metaphorical expression of the author’s understanding of theme “poet and ethnicity” in prose of M. I. Tsvetaeva. Using the concept of a metaphorical continuum relations between metaphors pertained to the indicated theme have been established, also the language means of metaphors creation have been described. Based on literary texts and correspondence the language aids of metaphorical explication of the theme “poet and ethnicity” have been described. The interaction of this theme with other oppositions has been examined, including the image of the poet in the metaphorical continuum. As a result of the study, the article shows that the M. I. Tsvetaeva’s appreciation of the poets’ ethnic origin therefore exists in two forms: the denial of the need for national identification of poets and indispensable manifestation of ethnic mentality in linguistic consciousness of poets.

Key words: metaphor, metaphorical continuum, poet, ethnicity.